

32909

ЛЕОНИД
ЕРВОМАЙСКИЙ

День рождения

ОГИЗ · ГОСЛИТИЗДАТ
1943

Леонид Первомайский

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

С Т И Х И

Перевод с украинского

Под редакцией
П. АНТОКОЛЬСКОГО

О Г И З

*Государственное издательство
художественной литературы*

Москва 1943

СОДЕРЖАНИ

Земля. Пер. <i>М. Алиер</i>	3
Путь. Пер. <i>М. Алиер</i>	6
На Полтавщине. Пер. <i>М. Алиер</i>	8
В осенних полях. Пер. <i>М. Зенкевич</i>	12
Партбилет. Пер. <i>М. Алиер</i>	13
Подвиг. Пер. <i>М. Зенкевич</i>	15
Победитель. Пер. <i>М. Зенкевич</i>	18
Микола Шляховой. Пер. <i>М. Зенкевич</i>	20
Разведчик. Пер. <i>А. Глоба</i>	23
Соловьи. Пер. <i>В. Звягинцева</i>	25
Мать бойцов. Пер. <i>А. Глоба</i>	26
Девушка без имени. Пер. <i>М. Зенкевич</i>	29
Партизанская благда. Пер. <i>М. Зенкевич</i>	31
Песня Тараса Бульбы. Пер. <i>М. Зенкевич</i>	32
Мы говорим: после войны. Пер. <i>П. Антокольский</i>	34
Ходит, бродит он за мною. Пер. <i>В. Звягинцева</i>	35
Теплушка. Пер. <i>В. Звягинцева</i>	37
Товарищ. Пер. <i>П. Антокольский</i>	38
Наши коня и мы притомились. Пер. <i>М. Зенкевич</i>	41
Осень на Дону. Пер. <i>П. Антокольский</i>	43
Песенка. Пер. <i>В. Звягинцева</i>	45
Иваггород. Пер. <i>П. Антокольский</i>	46
На Осколе. Пер. <i>П. Антокольский</i>	48
Отступские. Пер. <i>С. Мар</i>	50
Снег летит. Пер. <i>П. Антокольский</i>	52
Ночь. По старому Осколу. Пер. <i>В. Звягинцева</i>	54
Светает. Пушки вновь гремят. Пер. <i>В. Звягинцева</i>	54
И холод и голод я близко знавал. Пер. <i>В. Звягинцева</i>	56
Мертвый немец. Пер. <i>Е. Долматовский</i>	57
День рождения. Пер. <i>М. Зенкевич</i>	58
Журавли. Пер. <i>П. Антокольский</i>	62

Редактор *С. Хитарова*

Подп. к печ. 17.VII 1943 г. А495. Тираж 10 000. 1 псч. л. 2,5 уч.-авт. л.

Цена 2 руб.

6-я типография ОГИЗ. Москва, 1-й Самотечный, 17.

З Е М Л Я

Осенний путь.. Осенний ржавый шлях!
Как мертвецы, лежат снопы в полях,
Продрогший куст под ветром облетает.
Столбы высоки, облака низки,
И холодок тревоги и тоски
В моем притихшем сердце нарастает.
О, как дрожат под ветром провода,
Как дребезжат прерывисто и длинно,
Как солнце падает, как будто навсегда,
За черный горизонт твой, Украина!

Грузовики гремят не в первый раз,
Не в первый раз проходит мгла у глаз.
Не в первый раз доносит запах дыма
Недальнего пожара... Не впервой
Летает смерть над нашей головой
И, не найдя нас, пролетает мимо.
Но сердце никогда в груди моей
Так не дрожало... Нас везет машина
Последнюю дорогою твоей,
Твоей землей последней, Украина!

Я знал тебя с младенческих годов.
Я отдыхал в тени твоих садов,
Любил с тобой встречаться на рассвете.
Тропинка шла хлебами напрямик,
Туда, где трепетал степной родник,
Попавший рыбкой в солнечные сети.
В предутреннем сиянии над ним
Склонялась многолетняя калина,
И в небо тихо подымался дым
Твоих селений мирных, Украина!

Далекие безоблачные дни!
Мне вдруг так ясно вспомнились они
Под рев грузовика, буксующего в луже.
И взгляд любимой вдалеке ясныел,
Неуловимо зыбкий, как во сне,
Наперекор встрам и едкой стуже.
Я вылез и на борт налег плечом.
Пристали к борту чернозем и глина.
Ревел мотор. Так в поле под дождем
Прощался я с тобою, Украина!

А темные машины шли и шли.
Нагнувшись, я поднял комок земли,
Пропитанный осенними дождями.
Он тяжело холодел в моей руке,
Как сердце без кровинки... Вдалеке
Пожар высокий задрожал за нами.
И вздрогнул я, услышавши гудок.
И за машиной двинулась машина.
Но я не бросил наземь тот комок
Твоей земли озябшей, Украина!

Вот все, что остается мне от дней
Степной и вольной юности моей
Как память про цветенье молодое,
Про степи розовые поутру,
Про старый куст, шумящий на ветру,
Склонившийся над светлою водою
Минувшего... Земли сырой комок!
Пускай же в нем сольются восдино,
В один живой, неистовый поток,
Моя печаль и гнев мой, Украина!

Я пронесу его сквозь все бои,
Как кровь свою, как помыслы свои.
Моя душа сольется с ним навеки.
Теперь он всю мою судьбу хранит,
Как пепел Клааса, в сердце мне стучит,
И в снах бурлит, как в половодье реки.
Он поведет меня в моей борьбе.
Пройдет в походах трудная година,
Настанет день, и я верну тебе
Комок земли нетленной, Украина!

А если я в сраженьи упаду
На мерзлую седую борозду,
Раскинув руки, точно для объятья,
И мимо, не успев сказать «прости»,
На запад, — не замешкавшись в пути, —
Пройдут мои товарищи и братья.
И только родина, склоняясь ко мне,
Сорвав ремни, пойдет на сердце сына
Тот, не сгоревший ни в каком огне,
Комок земли горячей, Украина!

ПУТЬ

Я помню сердцем город за Днепром,
Где плыл по небу месяц, как паром,
Где шлестели в яворах сады,
Где осенью кленовый лист кружил,
Где и мои впечатаны следы, —
Тот милый край, где я любил и жил,
Где этот город? Нет его. Над ним
Холодный сумрак, тишина и дым.

Я проезжал тем городом в ночи.
Ни огонька, ни лампы, ни свечи.
И слышен был лишь рев грузовика,
Да месяц из-за тучи выплывал.
Всю славу, что сулили мне века,
Я б за огни в том городе отдал.
Полузакрытых фар сырая муть...
Какой холодный и тревожный путь!

Какой холодный и тревожный миг!
Какую боль внезапно я постиг!
Еще лежат над водами мосты,
Еще блестят песчинки под луной,
Но это сон, и ты уже не ты,
И мир лежит вокруг тебя иной.
Все изменилось: запахи, цвета,
И ты не тот, и жизнь твоя не та.

Не так давно я в этих был местах.
Весна бродила в молодых полях.
А нынче кто бредет по стени той?

Кто спит у этих выбитых дорог?
О чем поют столбы над головой?
И кто вчера о том подумать мог?
Пришла гроза, гремит недобрый гром
Над злом твоим и над твоим добром.

Отвечу я ударом на удар.
Я слышу рев покинутых отар.
Из милых сел, вдоль черных смятых нив,
Выходят люди, без дорог, вперед.
И ветер ночи, пламя подхватив,
Павлиний хвост пожара развернет.
Над степью поднимается туман.
В леса уходит хмурый партизан.

Товарищ давний мой, пойдем, пойдем!
Вернемся мы в родной наш край, в наш дом.
И будет снова в окнах свет зажжен,
И мы пойдем на зов родных огней,
И мы опять обнимем наших жен.
Пускай родят нам новых сыновей.
Для них одних нам суждено пройти
Ночных боев железные пути.

Мне суждено пройти сквозь эту ночь
И холод этой правды превозмочь,
Затем что я мужчина и солдат.
Пора, пора! Пробил великий час.
Кто взял винтовку, не свернул назад,
Кто на плечо надел противогаз,
Пусть знает тот, пусть твердо верит тот:
Дорогой горя к счастью он идет.

Товарищ давний мой, пойдём, пойдём!
Вернемся мы в родной наш край, в наш дом.
Когда не я, то, может, ты придёшь
И дверь мою решишь отпереть,
Мои огни в моем дому зажжёшь
И песнь мою осмелишь допеть.
Так пой и знай, что я напал в бою
И славу, и любовь, и честь свою.

НА ПОЛТАВЩИНЕ

...А в детстве я на Полтавщине жил,
Над тихою рекой Берестовою.
Звонящею степною тишиною
Мой ясный мир до края полон был.
Я помню чистый утренний мотив,
Подхваченный степными голосами,
И ветерок, дрожащий над лесами,
Волнующий раздолье вольных нив.
Оханку солнца полдень уронил
В ложбинку у сверкающей криницы,
И сказочный певучий мир жар-птицы
Мое ребячье сердце полонил.
А нынче только шелест птичьих крыл
Мне вестью показался дорогою
Из мест, где я на Полтавщине жил,
Над тихою рекой Берестовою.

Немалый путь прошел по жизни я,
Легко минуя годы и просторы,
Я восходил на снеговые горы,

Сходил в долины на дымок жилья.
В ненастьс я переплывал моря,
И зсмли открывались мне иные.
Меня вносили коршуны стальные,
Встречала в тучах ранняя заря.
Я видел юг и север и восход,
Чужих краев пленялся я красою,
Но всюду он сиял передо мною,
Подоблачного детства небосвод.
Из дальних странствий я назад спешил,
Измученный тревогой мировую,
В края, где я на Полтавщине жил,
Над тихою рекой Берестовою.

Чем дѳроги они душе моей,
Стенные зори, дождики косые?
За что так жаль мне рощицы богые,
Приют укромный диких голубей?
Садочки, хаты, улицы в пыли
Непроходимой, розовой, горячей?..
Зачем все это предо мной маячит
В туманной вечерющей дали?
Тут родился я, бегал босиком,
Рос, как трава, и все мне было мило.
И где б я ни был, сердце не забыло,
Что там остался детства добрый дом,
Что он меня от непогод хранил,
Став для меня твердыней вскою
В краю, где я на Полтавщине жил,
Над тихою рекой Берестовою.

Здесь радости не знающая мать
С оцм седым в трудах перебивались.

От сына счастья ждали, — не дождались.
Вся жизнь прошла. Они устали ждать.
Как будто сквозь туманное стекло
Я вижу их, — встает передо мною
Все милое, далекое, родное.
И снова мраком все заволокло,
Звон ковыля и запах чебреца
Доносятся ко мне из дали дальней —
От тех могилок матери печальной
И досмерти уставшего отца.
Вовек мне не найти родных могил,
Вовек не окропить водой живую
В краю, где я на Полтавщине жил,
Над тихою рекой Берестовою.

Луна над камышами, над рекой.
Челнок забытый дремлет на причале.
Доносят песню меркнувшие дали.
Вечерний мир... Синеющий покой.
Ползет по склону темных листьев шум.
Столетний сад листву свою колышет,
И день и ночь не спит, и шумно дышит,
Не в силах передумать трудных дум.
Он знает все... Мелькнула тень в кустах,
Косынка чья-то там, меж деревьями.
О, сны мои, что мне поделать с вами!
Горите же, не превращаясь в прах,
Напоминайте мне мой первый пыл
И первую любовь с се тоскою
В краю, где я на Полтавщине жил,
Над тихою рекой Берестовою.
Чем помяну я, как согрею вас,

Далек отлетевши виденья?
Проходит вечность, торопя мгновенья
И сединою покрывая вас.
Железо меркнет, и ржавеет сталь.
Что ж нам гадать о нашей смертной доле?
Затем и сердце стиснулось до боли,
Что мне минувшей молодости жаль.
Жаль первой песни, что в душе росла
И, в теплоте вскормленная, как птаха,
Почуяв силу, вырвалась без страха,
Разрезав воздух лезвием крыла.
Она вернется, ей достанет сил.
Она пробьется ночью грозовой
В края, где я на Полтавщине жил,
Над тихую рекой Берестовую.

А сам я как? Дойду ли сквозь бои
В край, где любил и набирался силы?
Увижу ли еще раз берег милый?
Воскреснут ли бывшие сны мои?
Там ночь теперь... Пожаров дымный след.
Страшны во мраке бедные долины.
Там детства моего стоят руины.
А может статься, — и развалин нет.
Но пусть к руинам, — все-таки пойдём.
Всем самым благородным в человеке
Мы поклялись им в верности навеки,
И мы вернемся или смерть найдем.
Ступай же с песней, что в бою сложил,
Оружье стиснув верною рукою,
В края, где ты на Полтавщине жил,
Над тихую рекой Берестовую.

В осенних полях, меж снопов почерневшего жита,
 В лесах партизанских, под ветра пронзительный свист,
 На пыльных дорогах, где вслед боевому копыту
 Легонько ложится холодный краснеющий лист;
 Под воем орудий, поднявших жерло до зенита,
 Под тучсю дыма, которым черна синьсва,
 В бессонницу, ночью, в тревоге томительной, скрытой,
 Я думаю все о тебе и в разлуке, Москва!

Над нами гудят самолеты, мы слышим их клетот,
 Смертельным огнем пулемет нас осыпать готов.
 Мы слышим на флангах промчавшейся конницы цокот,
 И сыпаются звезды во тьме от удара клинков.
 От вражеских танков сумеем мы ночью отбиться.
 Под нами чернеет земля, холодна и мертва.
 На землю похожи бессонные серые лица, —
 Но мы к наступленью готовы, — ты слышишь, Москва?

По площади Красной я шел на заре пред восходом,
 Туманные плыли созвездья в немой вышине,
 И я уносился мечтой к легендарным походам,
 К далеким боям, отгремевшим в дыму и огне.
 И все, чем я жил, что меня породнило с тобою, —
 Минувшие годы, и слава твоя, и слова —
 На сердце звучали призывом к смертельному бою
 За вечную правду твою и победу, Москва!

Я в звездном мерцаньи склонялся тогда к мавзолсю,
 Потоками света стремились века наяву.
 Всем пылом души, всей отвагой, всей жизнью своею
 На веки тебе присягал я, покуда живу.

Я помню и небо твое с лучезарною далью,
И дружбу, которая в сердце и ныне жива.
Ведь нежную юность свою закалили мы сталью.
Бессмертьем своим ты и нас окрылила, Москва!

О братья мои — в Ленинграде, в Баку и Тбилиси,
Я слышу, как ваши сердца застучали живей.
В лесу я мечтаю о том, чтоб мы снова сошлись
Отпраздновать нашу веселую встречу в Москве.
Ведь мы присягали над сталью клинков голубою,
Над водами рек, обтекающих наши края.
Мы клятву сдержали и вышли, готовые к бою,
Чтоб в звездах над миром сияла победа твоя.

В осенних полях, меж снопов почерневшего жита,
В лесах партизанских, под ветра пронзительный свист,
На пыльных дорогах, где вслед боевому копыту
Ложится легонько осенний краснеющий лист;
Под воем орудий, поднявших жерло до зенита,
Под тучею дыма, которым черна синева,
В бессонницу, ночью, в тревоге томительной, скрытой
Я думаю все о тебе и в разлуке, Москва!

П А Р Т Б И Л Е Т

Его нашли в ночи на поле боя.
Раскаты грома глухо улеглись.
Лишь молнией редкой голубою
Вдали огни сигнальные рвались.
Полк наступал. За рощицей недалекой
В ночную темноту бойцы ушли.

Мы молча шли долиною печальной,
Где наши братья в битве полегли.
Боец лежал как будто на привале,
Но нам тревога стиснула сердца.
Склонились мы и партбилет подняли,
Лежавший возле сердца у бойца.

Мы дальше шли. Ни слова меж собою.
И лишь когда зарозовел рассвет,
В степной тиши, уже привыкшей к бою,
Мы молча развернули партбилет.
Насквозь пробитый пулей роковой,
Загородил он сердце сколько мог
И как свидетель гибели героя
Ворвался в мир моих ночных тревог.
И долго я молчал над ним, пробитым
Горячей виноградиной свинца,—
Над этой книжкой, что в бою открытом
Лежала возле сердца у бойца.

И я за ней увидел в жарком споре
Весеннее безумие земли,
Цветенье трав, несмолчный рокот моря,
Все, что мы в мире жизнью нарекли.
Боец, порывом движимый единым,
Жил молодым и умер молодым.
И, как родная мать над верным сыном,
Склонилась тихо родина над ним.
Как сын, послушный материнской воле,
Он от беды не отвернул лица.
Так мы нашли бойца в туманном поле
И партбилет на сердце у бойца.

Товарищ мой! И мы на поле боя,
Быть может, встретим свой последний час.
Встает рассвет за далью голубую.
Дымок сражений обвеивает нас.
Встает рассвет, тревогами объятый.
За рощицей стрекочет пулемет.
И по пути бессмертья и расплаты
Лавиною полки идут вперед.
Всегда вперед идти в бою открытом!
Мы поклялись сражаться до конца
Над партбилетом, пулею пробитым,
Что был в бою на сердце у бойца.

П О Д В И Г

Запели моторы, и звезды бледнеют и гаснут.
Поля проплывают холодной туманной пустыней.
И в небе рассветном у края маячит неясно,
Как остров среди моря, просвет лазорево-синий.

Вцепился в крыло самолета надломленный стебель,
И ветер срывает его, но и ветер не может.
И кажется странно знакомым полет этот в небе,
Как будто он в детстве, со сказками рядом, был
'прожит.

Мелькает земля, далека и близка, за пределом,
Как чаша большая, налитая грустью ненастья.
А снилось ему — журавлем в облака залетел он
И крыльями мерил полнеба, полмира, полсчастья.

Суровые ветры в полете его обведали,
Легко и свободно парил он года над горами,
Лазурь рассекая, врезаясь в туманные дали,
В горячие ливни, в полдневное жгучее пламя.

Встречал он рассветы над морем лазоревым, южным,
И полюс вихор ему обледенит сединою.

Трудом стала грёза, труд — подвигом общим и
дружным.

Шли годы, внезапно — июнь разразился войною.

И весь кругозор под крылом задымился от зарев,
И в небо высоко взлетали стальные зарницы,
И в небе кружили, полетом зловещим ударив,
Как вестники смерти, чужие, враждебные птицы.

Земля разрывалась под скрежет железа и стали,
Сжимала в объятьях холодных своих поднебесье.
А он, пролетая в обвистанной вьюгами дали,
Все грезил про детство свое, про родное Полесье.

За белым туманом вставало село над рекою,
Как будто из чащи лесной вырывалось на волю,
И мать из окна замахала мальчонке рукою,
И к дому родному бежит он из дальнего поля.

Вилась огородом тропинка к реке, и у кручи
Качалась на привязи лодка в зеленой осоке,
А дальше луга, и леса, и вишневые тучи
Вставали, как сон, отраженные в речке глубокой.

В приказе вдруг вспыхнуло все, что забылось,
погасло:
Замшелая, старая хата, и лес, и болото,
И детские грезы, и сказок червонное свясло...
А стебель осенний звенит на крыле самолета...

На этой дороге, знакомой ему с малолетства,
Найдет он что нужно без карты и даже вслепую.
Он смотрит на землю, как взрослые смотрят на
детство,
На старую сказку, наивную, но дорогую.

Он видит: проходят отряды, скользят мотоциклы,
И стелется пыль по дороге извилистой, длинной,
И кажется, хата знакомая ниже поникла,
Опутана проволокой, словно куст паутиной.

У ветхого тына стоят офицеры штабные,
И с удочкой в лодке сидит ординарец их в шлеме.
Чужие, незваные гости, налетчики злые
Насильничают, издеваются злобно над всеми.

Пускай испытают враги его смелость и силу!
Пусть грянет над ними за все преступленья расплата!
И смотрит он пристально вниз, и в глазах зарябило.
И мнится ему: мать-старуха выходит из хаты.

И вспыхнуло сердце, как сноп золотой обмолота
На черном току, вдруг охваченный пламенем жгучим.
Он кружит над хатой в виражах крутого полета
Сквозь проблески солнца, сквозь ветер вишневый и
тучи.

О, детство, прощай, догорай огневою грозой!
Прощайте, знакомые стены замшлого сруба!
И смотрит он вниз — и видит под собою
Одно пепелище и дымные черные клубы.

Он видит, как хата родимая тлсет, сгорая,
И зарево в небо к нему простирает объятя.
Он вновь пролетает и шепчет: «О мать дорогая,
Откликнись, жива ль ты осталась? Хотел бы узнать
.. я!»

И слышит он голос, ворвавшийся в клетот мотора.
То матери голос: «Тебя я увидела в небе!
Спустись же скорее ко мне с голубого простора...»
...Звенит о крыло самолета надломленный стебель.

ПОБЕДИТЕЛЬ

Павлу Антокольскому

Над лесом дрсмучим вставали и меркли созвездья
Сквозь черные тучи, сквозь дымно-кровавые тучи.
Могучие сосны, вершинами вздрогнув от боли,
Под корень подсечены, тяжело валились на землю.

Удар за ударом раскалывал мрак полуночный.
Столбами земля вырывалась в пронзенное небо,
Где грохот железный носился на крыльях незримых
И черным огнем засевались глухие просторы.

Мы молча лежали на темной обугленной хвое.
Землею нас всех закидало, как мертвых, до срока!
И все вдруг померкло — надежда на дальнюю
радость,
Любовь позабытая, юность, о счастье мечтанья.

Гроза все росла, мы все ниже к земле прижимались,
Как к матери дети, напуганы грохотом грома.
Над нами в серебряном панцыре, в белом скрещеньи
Лучистых мечей ненасытно погибель трубила.

От боли тупой разрывалось мучительно сердце.
От целого мира, от жизни нам только остались —
Огонь ослепительный, грохот, удары и взрывы,
Что нас прижимали лицом к обгорелым колосьям.

Казалось, что сосны в полете, и звезды в паденьи,
И тучи багровые в диком стремлении в бездну
Встречали среди хаоса тьмы роковую минуту,
Минуту последнюю многострадального мира.
Послышался голос знакомый, забытый, далекий,
Над нами во тьме напевавший какую-то песню.

И вдруг в завывании, в клетоте хищном моторов,
В громах канонады, во взрывах стремительных
вихрей

Послышался голос знакомый, забытый, далекий,
Над нами во тьме напевавший какую-то песню.
И долго не мог я понять и не мог догадаться,
Откуда тот голос, — а голос звенел надо мною
Так четко и властно, отдельно, ни с чем не сливаясь,
Средь гула моторов, среди трубного рокота смерти.

И лишь на рассвете, когда прошуршали над ухом
Чуть слышные взмахи и шелковый шелест крылатый,
Я вдруг догадался, что это кружит надо мною
Звенеющий трубою надежды, комар неуёмный.

Я слышал в тот миг лишь его непокорное пенье,
А вслед возникали и жизнь, и воскресшая радость.
Труби, победитель! На небе заря золотая
Глаза открывает, цветы оmyвает росою.

МИКОЛА ШЛЯХОВОЙ

Не раз мне ждать рассвета приходилось
На полпути, где заставляла мгла.
Я слез с коня у хаты, что ютилась,
Заброшенная, на краю села.

Открыла дверь мне, встретив, точно сына,
Колхозница пятидесяти лет.
Тревога вдовья, горькая кручина
В ее глазах оставили свой след.

Как два крыла, посеребренных вьюгой,
Две пряди билась под платком у ней.
Хозяйка усадила в красный угол
И стала угощать нас, как гостей.

Утомлены мы были переходом.
Из фляги — для тепла — вина отпив,
Я ужинать уселся с коноводом,
За угощенье поблагодарив.

Известны материнские печали.
«Не первый день вы, видно, на войне...
Быть может, сына моего встречали?
Вот скоро год, как он не пишет мне...»

Я усмехнулся. Разве каждый встречный
Запомнится в дороге боевой?
Но спрашивала мать в тоске сердечной.
«Как звать его?» — «Микола Шляховой».

Микола Шляховой? Как сон, сначала
То имя показалось мне чужим.
«Нет, не встречал...» — И вдруг меня помчала
Волна — в прошедшее, в огонь и в дым.

Уже не слышал я ни слов старушки,
Ни слез ее: «Поди уж не живой...»
Горит село. Гремят над лесом пушки.
Выходит в бой Микола Шляховой.

Да, вспомнил я! Тот полк не знал покоя.
Вблизи родных днепровских берегов,
Двенадцать дней не выходя из боя,
Встречал он наступление врагов.

Кольцо сжимала вражеская сила,
Обрушился на нас фугасный шквал,
Сто автоматчиков строчили с тыла,
Но полк знамен пробитых не сдавал.

Был командир убит. Чуть слышно, слабо
Хрипел: «Воды, воды», — сквозь бред и жар,
Смертельно раненный начальник штаба.
Погиб на минном поле комиссар.

Бой, как смола в аду, кипел все время.
Не умолкал ни на минуту бой.

В своем стальном зелено-сером шлеме
В атаку шел Микола Шляховой.

И к небу поднимались клубы дыма,
И Днепр вдали сверкал, как серебро.
И вновь, и вновь наш полк неутомимо
В атаку шел с отсеком партбюро.

Осуществляя сам свои приказы,
Под грохот мин, под пулеметный град
В атаку он ходил четыре раза,
Но пятый раз он не пришел назад.

Из плащ-палатки смастерив носилки,
Бойцы доставили его в село.
На ремешке кровавом у затылка
Железный шлем повиснул тяжело.

И я ответил матери, как каждый
Ответил бы, припомнив жизнь свою:
«Я видел сына твоего однажды —
Он, как герой, сражался в том бою.

Он жив, твой сын. Прославленный боями,
Под свистом пуль, он и сейчас идет,
Подняв высоко полковое знамя,
Туда, к Днепру широкому — вперед.

А что не пишет он, что нет предела
Слезам и горю... Не кручинься, мать!
Теперь в боях работа закипела —
И писем некогда ему писать».

РАЗВЕДЧИК

Не зашуршит ковыль густой,
Сучок не треснет под ногой,
 Не просквозит туман.
И в дождь, и в темь, и при звездах,
Бесшумно крадучись в кустах,
 В руке зажав наган,
С гранатой верною сам-друг
Разведчик полем, через луг
 Ползет во вражий стан.

Он переходит речку в брод,
След вражий ищет, — и найдет,
 И снова в ночь нырнул.
Мотоциклисты у реки,
Везут солдат грузовики,
 И танков рев и гул,
А он уже среди села.
Густа, слепя ночная мгла,
 Но штык вблизи блеснул.

Он видит: в темноте ночной
Стоит фашистский часовой —
 Склонилась тень на тын.
Он слышит: тишину на миг
Взорвал предсмертный женский крик.
 Шаги... и гарь руин.
И снова тьма и тишина,
И сон у каждого окна,
 Лишь он не спит один.

Ползет... Удар по голове —
И часовой лежит в траве.
И в штаб приходит он.
Шесть офицеров у стены
Спят, видят золотые сны,
Но каждый осужден.
И смерть у ложа их стоит
И неусыпно сторожит
Последний краткий сон.

Разведчик вышел за порог.
Увидел все, и все сберег
Он в памяти своей.
Он выползает из села,
Его теплом объемят мгла,
А тень еще черней.
Уносит планы он с собой,
Они решат грядущий бой, —
Дойти бы лишь скорей!

Ползи, разведчик, меж кустов,
Через болото, через ров,
Засады не страшись!
Ползи, разведчик, знаешь сам,
Зачем идешь, что надо нам, —
В пути поторопись!
Ползи, разведчик, сквозь камыш,
Сквозь темный лес, обратно лишь
С удачей возвратись!

СОЛОВЬИ

Памяти комиссара Макарова

Три залпа тихо прозвучали,
И гроб исчез в могильной мгле.
Мы не впервые узнавали
Боль расставанья на земле.

И не в последний раз в печали
Замолкли мы, окаменев.
И выстрелами присягали
На верность, на священный гнев.

Я с ним, бывало, ночью, в мас
В лесные приходил края;
Грустя, дивились мы, внимая
Забвенной песне соловья.

Едва знакомы, непохожи,
Мы братски слушали вдвоем,
Как птицы, темноту тревожа,
Звенели чистым серебром.

Мы спали на одной шинели,
Делились хлебом, кипятком,
Болтали о недавнем, пели,
Из-под полы куря, тайком.

А ветер трогал сень густую.
К рассвету мог начаться бой.
Играл он песенку простую
Нам на гармонике губной.

Не думалось, что неизбежно
Себя здесь каждый отдает.
Вставал рассвет тревожный, нежный,
Как жизнь тревожная встает.

Когда же из укрытья пушки
Загрохотали все сильней,
Все громче на густой верхушке
Пел, заливался соловей.

Над ближним озером, над лесом,
Над степью, что кругом цвела,
Над смертью, кровью и железом,
Та песнь победная текла.

Такой на свете нету силы,
Чтоб мы с дорог своих сошли,
Чтоб мы забыли про могилы,
Где наши братья полегли.

И, день былой припоминая
И эти смертные бои,
Вернемся мы, вернемся в мае,
Когда засвищут соловьи.

МАТЬ БОЙЦОВ

Нет писем, сын мой, от тебя давно...
Проходит мимо сон, темно окно, —
Лежу, гляжу бессонными очами
В ту непроглядную, слепую тьму,

Где ты идешь в пороховом дыму
Кровавым полем, вспаханным боями.
Зенитки бьют, прожектор тучу рвет,
Ловя рукою бледной самолет.

Твоих я писем буду долго ждать...
Пронесся самолет, летит опять —
И дымные колеблются руины, —
Но страх, как прежде, сердца не щемит...
Дыхание боев грозой гремит
По городам и селам Украины.
Я слышу голос твой из глубины
Изрытых бомбами полей войны.

Вперед, мой сын! — наказ тебе такой
От матери, хоть старой и седой,
Не сломленной ни горем, ни тоскою.
Вперед же, сын мой, сквозь огонь и дым —
Непобедимым, вечно молодым!
Пускай снаряды воют над тобою,
Стальную танки надрывают грудь, —
К победе поведет тебя твой путь!

Я знаю все. Кровава и страшна,
Моей тропы не обойдет война.
В моей душе вскипают гнев и горе,
Но я пройду спокойно путь беды.
Вернемся мы на старые следы, —
Враг лютый нашей крови не поборет.
Вперед, мои сыны! В суровый час
Я для победы породила вас!

Я мать бойцов, — вы все мои сыны,
Все, кто идет дорогою войны,
Как пахарь по распаханному полю,
Кого укрыл боев кровавый пыл,
Кто не жалеет жизни, крови, сил
В бою за честь отчизны и за волю.
Я мать бойцов, и не один из них
На ратном поле писем ждет моих.

Сгибаются над водами мосты..
Летят, летят в далекий бой листы
Тех писем, что я в сумерках писала,
Когда лучи прожектора в окне
Сменял рассвет, всегда желанный мне.
Другой такой же час я вспоминала:
Когда в тиши неясно-голубой
Тебя я провожала в смертный бой.

Не забывай меня, знай наперед:
Когда суровый командир пришлет
Мне краткое, как выстрел, извещение,
Что ты, отважный, юный мой боец,
Нашел в бою с противником конец,
Я, не скрывая слез, найду терпенье,
Чтоб дальше жигь, и только буду знать:
Не надо одного из славных ждать.

Я буду твердо знать свой трудный путь.
Твои все братья, как и ты, пройдут..
С тревогою в живых сердцах, по следу
Грозы, что наши замутила дни, —
На шумных стягах принесут они

В родимый край священную победу.
Пускай моя любовь, родимый мой,
Тебя сегодня посылает в бой!

ДЕВУШКА БЕЗ ИМЕНИ

В Малине, на дальней Украине...
Слушайте, товарищи, меня.
Протянулись между нами ныне
Сотни верст пожара и огня.
Песня падает в глухом безлюдьи,
Как березовый осенний лист,
Реет над простреленною грудью
И опять летит под звонкий свист.
Долго ей скитаться по равнине,
От села до дальнего села...
В Малине, на нашей Украине,
Девушка без имени жила.

Имя девушки той, комсомолки,
Тополь золотой на берегу
Шелестом открыл мне втихомолку,
Но его я вспомнить не могу.
Руки — крылья чайки белокрылой,
Две косы — пшеницы желтизна,
Грезила, грустила и любила, —
Тем и в памяти жива она,
Что лучилась лаской тихой, синей,
Как вода источника, светла...
В Малине, на нашей Украине,
Смерть свою та девушка нашла.

Жить никто из нас не сможет дважды,
Жизнь одна, и родина одна,
И в глазницы смерти взглянет каждый,
Чашу смерти осушит до дна.
Как цветы, что в поле догорели,
Истлевает в сердце юный жар.
Смерть в немецкой форменной шинели
Ночью повела их в Черный Яр.
Вместе дружную семьей единой
Шли они, не преклонив чела...
В Малине, на нашей Украине,
Их земля в объятья приняла.

Это видели украдкой люди,
И сказал старик: «Не убегут!
И на них управа скоро будет,
И над ними грянет страшный суд!»
Видел он — огонь взметнулся ало,
Над кустами вспыхнул и погас.
Слышал он, как девушка сказала:
«И для вас придет возмездья час!
И для вас на небе солнце сгинет
И погаснет средь могильной тьмы...»
В Малине, на нашей Украине,
Девушки той не увидим мы.

Бродит ветер тропами глухими,
И клубится от пожарищ мгла,
Позабыл я девушки той имя.
Знаю лишь — меж нас она жила.
Знаю, что враги нам путь закрыли.
Мы должны назад их повернуть.

Знаю я, что до ее могилы
Мы оружием проложим путь.
Знаю я, что огненной калине
Вновь придется кровью расцвести..
К Малину, на нашей Украине,
С боем, братья, мы должны пройти!

ПАРТИЗАНСКАЯ БАЛЛАДА

В беззвездную, темную ночь листопада
В степях партизанских сложилась баллада,
И с ветром она долстела ко мне.
Мелькают столбы, и летят перегоны!
Гремят эшелоны, идут эшелоны
В осенней холодной ночной тишине.

В беззвездные ночи не спит Украина
И слышит, как мерзлая стынет равнина,
Как чьи-то шаги все шуршат по жнивью,
И слышит, как полем и яром — низами —
Идут партизаны, идут партизаны —
Сражаться за родину, волю свою.

Стоит часовой на мосту, замерзая.
И падает с неба крупа снеговая, —
Засыпала плечи, винтовку и шлем.
Стоит часовой на мосту, коченея.
А стужа все злее, а ночь все темнее,
И небо от туч почернело совсем.

И, как привиденья, скользя в отдаленьи,
На мост выползают и крадутся тени.
Вот ветер взметнулся — и смел их долой.

Лишь рельсы звенят и грохочут вагоны,
Гремят эшелоны, летят эшелоны,
И полночь немая встречает их мглой.

Октябрьской ночью беззвездной, безлунной
Все ближе, все громче их грохот чугунный.
Колеса гремят, проклиная свой путь,
Как будто скрипят проржавевшие кости
В тоске по погосте, и в ярости, в злости
Спешат поскорее на мост повернуть.

Темнеет октябрьская степь молчаливо.
Вдруг вспыхнуло небо от молнии взрыва.
Октябрь украинский сверкает без звезд!
Лежит часовой, партизаном сраженный,
Гремят эшелоны, летят эшелоны
Низринуться в пропасть под взорванный мост.

В беззвездные ночи не спит Украина
И слышит, как мерзлая стынет равнина,
Как чьи-то шаги все шуршат по жнивью,
И слышит, как полем и яром — низами —
Идут партизаны, идут партизаны
Сражаться за родину, волю свою.

ПЕСНЯ ТАРАСА БУЛЬБЫ

У привала партизан калина
Наклонилась сумрачно к воде.
Слышит Бульба дальний голос сына,
Голос сына в гибели-беде:

Ворвались непрошенные гости,
Взяли тысячи в полон. Гляди!
Жилы рвут, ломают наши кости,
Вырывают сердце из груди!

«Чи ты чуешь, батьку?» — «Чую, сыну!»
Хлынул гнев рекой из берегов.
Победим, избавим Украину
От проклятых извергов-врагов!

Воронья ночного злые стаи
Обложили ширь родной земли,
По ночам, с полнеба вырастая,
Полыхают зарева вдали.
Жгут враги и города, и села,
Ветер крови след с земли не стер.
Льются, льются речкой невеселой
Слезы наших матерей, сестер.

«Чи ты чуешь, батьку?» — «Чую, сыну!»
Хлынул гнев рекой из берегов.
Победим, избавим Украину
От проклятых извергов-врагов!

Партизанские привычны кони,
Бульба впереди всех на коне.
Не боятся вражеской погони,
Знают: на войне, как на войне.
Будем бить врагов и в грудь и в спину
И за все заплатим им сполна!
Кровь за кровь! Очистим Украину,
Так, чтоб снова расцвела страна!

«Чи ты чуешь, батьку?» — «Чую, сыну!»
Хлынул гнев ркой из берегов.
Победим, избавим Украину
От проклятых извергов-врагов!

* * *

Мы говорим: после войны.
Но и себе мы не ответим,
Какие нам приснятся сны,
К каким мы возвратимся детям,

Какого неба вышина
В тот день развернется над нами;
Какою песнею весна
Разбудит эхо за полями;

Какая светлая судьба
Ждет победителей счастливых;
Какие вырастут хлеба
На тех испепсленных нивах;

Какое выткут полотно
Для белых девичьих сорочек;
Какое нацедят вино
У виноградарей из бочек.

Но нам известна лишь одна
Цена добытой с боем жизни.
Мы навсегда лишилась сна
И отдыха на братской тризне,

Чтоб нашим внукам довелось
Сказать задумчиво присловье:
«Есть в нашем хлебе соль их слез,
Есть в чарке капелька их крови».

* * *

Ходит, бродит он за мною,
Не оставит ма часок,
Полный грусти, непокоя,
Полудетский голосок.

Что он шепчет непрестанно,
Что рассказывает мне?
О туманном, несказанном,
Будто в сказке иль во сне.

То смеется он, то плачет,
То зальется, сам не свой.
То огнем вдали маячит,
То степной шумит травой.

И какой бы стороною
Я ни шел, ни ехал где, —
Голосок летит за мною,
Перекликнется везде.

На холодных полустанках,
Там, где встра слышен вой,
В темных и сырых землянках
На ночной передовой,

На аэродромах вязких,
Под дождями на коне
Слышу шорох крыл. Как в сказке
Прилетает он ко мне.

Что же бродит он за мною,
Не отступит на шагок,
Полный грусти, непокая,
Полудетский голосок?

И чего он хочет, клича
За собой? И сам он чей?
Знаю я его обличье,
Схож он с грёзою моей,

С нею, смелой и счастливой,
С головы до ног земной,
Легковерной, шаловливой,
Пьяной, буйной, молодой.

Я иду на дальний голос
Как во сне, как сквозь туман.
А в груди вдруг расколосось
Что-то — ноет, как от ран.

Это, силой жизни полно,
Сердце бедное болит,
Беспокойно, неумно,
Громче, громче в грудь стучит.

В грудь колотит, словно в бубен
Плачет, стонет и поет.

Все, что будет — пусть отбудет.
Чудо сбудется, придет!

Пусть летит, спешит за мною,
Не оставит на часок
Полный грусти, непокоя,
Полудетский голосок.

Т Е П Л У Ш К А

Десять долгих дней
Средь снегов-полей
Вдаль теплушка моя плыла.
Все темней, темней,
Нет нигде огней,
Нет покоя и нет тепла.

Снег на окна лег,
И боец без ног
Звал любимую в тяжком сне.
Я заснуть не мог,
Сто путей-дорог
Предстояло изведать мне.

Сто дорог пройти —
Далеки пути...
Как тревожно гудят мосты!
В сердце грусть нести,
Что взрастила ты,
И в конце не тебя найти.

Порошат снега,
И свистит пурга.
Вновь теплушка, и ночь темна,
И боец не спит
И сквозь сон хрипит:
Все война, все война, война!

Снег на окна лег.
Может быть, без ног
Я, вот так же, вернусь к весне.
Кто сказать бы мог?
Сто путей-дорог
Предо мной лежит на войне.

Сто дорог пройти,
Сто миров пройти,
Всюду спрашивать: где же ты?
И в ночи глухой,
Путь окончив свой,
Не тебя, не тебя найти.

Т О В А Р И Щ

Два часа осенним утром
С тем товарищем я был.
Рядом на пароме углом
Дон широкий переплыл.

Мы вдвоем прошли в печали
Вдоль курганов, над быльем.
И курили, и молчали,
И шутили — все вдвоем.

Так в жару, по суховею,
Шли мы по степи немой.
Стал находкою моею
Тот товарищ новый мой.

Был он чем-то озабочен,
Скуп на смех, немало хмур.
Как и я — молчал не очень,
Как и я — не балагур.

От него жена и дочка
Месяцами ждут письма,
Как и я — ои одиночка,
И влюблен, и без ума.

На войне и он немало
Верст отмерил фронтовых.
И, как я, носил две шпалы
На петлицах полевых.

Что прибавить? Может статься
Это был бы друг вполне,
Но пришлось тогда расстаться
С человеком милым мне.

Мы упали у канавы,
Слыша в небе свист и звон.
Мы легли в степные травы,
Но лежать остался он.

И, склонясь над мертвым телом,
Зашумел ковыль степной.

Он бы мог остаться целым,
Побратим недавний мой.

Дальше б мог идти со мною,
Вплоть до ночи — по пути.
И в разгар ночного боя
В штаб дивизии притти.

В пять минут он бы на славу
Дело справил в штабе том;
На донскую переправу
Плеся б за полночь потом;

Мог бы он уснуть у танка
И во сне увидеть дочь.
И подняться спозаранку,
Проведя спокойно ночь.

Выпить чарку в поле чистом,
Чтоб прогнать ночные сны,
И показывать танкистам
Злые письма от жены:

Безрассудна и тревожна,
И нерадостна их речь.
И порвать их невозможно
И немислимо сберечь.

...Так стоял я с полминуты
С непокрытой головой,
Как степной ковыль, согнутый
Под волною ветровой.

Так, печалясь и тоскуя,
Шел один путем крутым...
В ком теперь себя найду я,
Мой недавний побратим?

Или ждет у поворота
Гибель в дыме и в огне,
И другой узнает кто-то
Всю судьбу свою во мне.

* * *

В. Кондратенко

Наши кони и мы притомились,
И, захав под вечер в село,
Для ночлега мы остановились...
Уж смеркалось, и солнце зашло.
Над снегами клонилися голо,
Цепеня, деревья во сне.
Мы подъехали к хате у школы,
Словно в гости к своей родне.

Там учительницы нас чаем
Угощали под пушечный гром,
А спросили б, — сказали: не знаем
Что наутро случится с селом.

Незаметно погасло мерцанье,
И коптилка зажглась, засветив.
Патефон захрипел про свиданье
На забытый, далекий мотив.

Не забыть этой ночи глубокой
И в сердцах затаившийся жар...
Нам на память вполголоса Блока
Батальонный читал комиссар.

Не забыть нам, как сказочно ново
Зазвучал лебединый зык
Тех чудесных бывальщин Лескова,
Что рассказывать друг мой привык.

Не забыть этой ночи тревожной
И звучащих вполголоса слов...
Темь окон, переулочек порожний,
Тишина затаенных углов.

На коня променявши двуколку,
Утомившийся за день в седле,
Так и Лермонтов ночь втихомолку
Коротал в темной хате в селе.

Не засну я в ночной глухомани,
Навалившейся тьмою вокруг,
И мне жаль, что страниц из «Тамани»
Наизусть не запомнил мой друг.

Брезжит утро. Разбужены воды,
Под снегами забили ключом,
И не спят у коней коноводы.
Канонада гудит над селом.

ОСЕНЬ НА ДОНУ

По холодным, мокрым травам
Долгу ночь и день-денской
По лугам и переправам
Ветер мается донской.

Он летит по-над полями,
Ни на миг не отдохнет.
А откуда он над нами
Взялся, — кто ж его поймет!

Может, в темень-непогоду
Отдохнуть хотел бы он,
Как казак, что из походу
Возвращается на Дон.

Может, ветер в час денницы,
Вставши на ноги чуть свет,
От казачки-молодицы
Казаку несет привет.

Может, там на косогоре,
Слыша жалобу одну,
Материнское он горе
Расплескал бы на Дону.

Может, бой неукротимый
Не стихает день и ночь,
И не ветер — брат любимый
Брату кинулся помочь.

А быть может, в дальнем крас
Это милая моя
Все ночей не спит, гадая,
Где теперь блуждаю я.

Оттого-то на рассвете
Легче дышишь в тишине,
Что раскрыл нам крылья ветер —
Нам двоим, тебе и мне.

Что давно уж нам обоим
Друг от друга писем нет, —
Только ветер перед боем
На крыле несет привет.

Прилетел он ранним-рано,
Глядь, — и брызнула роса
На рассветные поляны,
На дремучие леса.

Вился, вился он и снова
Утомился, наземь лег
И червонный лист кленовый
У моих оставил ног.

Тот листочек, может статься,
Мне прислала ты сама.
Видно, больше не дожждаться
Этой осенью письма.

И грустя и негодуя,
Остается верить мне,
Что судьбы не обойду я
Ни пешком, ни на коне.

Может, я и счастлив буду,
Как закончим мы войну,
Но до смерти не забуду
Вечер, осень на Дону.

ПЕСЕНКА

От Сана до Дона дорога лежит.
Расседланный конь по дороге бежит.
В пути все избиты,
истерты копыта,
А все же не надо, не надо тужить.

С разметанной гривой летит вороной.
Никто не прервет его скачки ночной,
Лишь девушка плачет
о доле казачьей.
А все же не надо, не надо тужить.

Суровые ночи, военные дни.
Казачьи очи — закрылись они.
Пылает над нами
багровое пламя,
А все же не надо, не надо тужить.

О, кровь на груди, на челе казака.
Давно он лежит, а трава высока.
Над ним только зори
да месяц в дозоре.
А все же не надо, не надо тужить.

Не надо, не надо, не надо тужить.
На свете останется девушка жить.
Да ветер в дороге, да сердце в тревоге,
Да слез на ресницах жемчужная нить.

И В А Н Г О Р О Д

Ветер, дождик, тьма слепая.
Орудийный дальний рык.
В грязных лужах утоная,
Проплываст грузовик.
Он скрежещет и грохочет,
Но итти вперед не хочет,—
Не умсет иль отвык.

Наша часть дорогой поздней
В то селенье доплелась,
Где водой иль солью слезной
Хлябь разбухла, разлилась.
Хлещет, хлопает, плюется,
На жилье людское льстят,—
Все ушло по горло в грязь.

Танк у хаты погрязает.
Уж не немцы ли в селе?
Может, немцы,—кто их знает!
Стар и мал—в щелях, во мгле.
Спать бы, вытянуться слаще...
Но орудья бьют все чаще.
Бой гудит по всей земле.

Нам на Гайсин — невозможно,
На Христиновку — нельзя.
Ночь промозгла и тревожна.
Мы бредем, в грязи скользя.
Спать да встать бы спозаранку.
Мне — в ночной дозор у танка.
Сменят в нужный час друзья.

Ведь и горше были прежде
Дни у каждого из нас.
Перечту стихи, в надежде,
Что скорей наступит час.
Между танком и стеною
Прислонюсь к стволу спиною,
Оглянусь во тьму не раз.

Вглядываюсь в дождь секущий,
Вслушиваюсь в ночь и тьму.
Час — ни с места, проклятущий,
Нет и нет конца ему.
Вдруг — как бахнет, как разгоном
Затрясет окно со звоном, —
И разверзлась ночь в дыму.

Что ж в ответ ты не ударишь,
Друг-товарищ боевой?
А в окно зовет товарищ:
«Что случилось? Ты живой?»
Я-то жив, за танком стоя.
И опять за темнотою
Отклик слышен ветровой.

Ветер взвояет, дождь ли хлынет...
Все как будто и прошло.
Все равно уж не остынет
То, что в памяти легло.
Но одно я знаю ныне:
Буду вновь на Украине,—
Заверну и в то село.

И опять у хаты встану,
Погляжу на дальний шлях.
Вспоминать не перестану
Пережитое в боях.
Разузнаю, что осталось,
Что Ивангородом звалось,
А теперь проходит в снах.

НА ОСКОЛЕ

Евг. Долматовскому

Юноша в длинной солдатской шинели,
Друг в сапогах запыленных, разбитых,
Что же глаза твои так потускнели?
Где твои шуточки, как смог ты забыть их?

Помню я: дым над пожарищем взвился,
Первым порывом гроза прогремела,—
Гостем из юности ты мне явился,
Крепкий, упрямый, отчаянно смелый.

Шел ты, красуясь в шинели добротной.
Рта не кривило горячее горе.

Не попрощались мы бесповоротно
С теми, кого потеряли мы вскоре.

Битва едва завязалась на Збруче,
Близко, так близко от дома родного..
Вот мы и вспомним днепровские кручи
Здесь, у истока Донца голубого.

Вспомним счастливое время былое,
Юности сказочное озаренье.
Гроздя сирени цвели над Сулою,
Очи любимой сияли сиренью.

Я показал тебе ту Украину,
Где в тополях голубеет криница,
Даль голубину да синь тополину..
Пусть же она тебе снова приснится!

Пусть она снится тебе молодою,
Голову в синем венке поднимая.
Помнишь — как знал ее перед бедою,
В лето недажнее, в месяце мае.

Тот, кто прошел по осенней равнине,
Смятой снарядами, танками взрытой,
Сердце он отдал свое Украине,
Думой и песней навеки с ней слитый.

Юноша, знаешь ты едкую горечь,
Ту, что покрыла меня сединою.
Сердцем прожитого не переспоришь:
Жизнью зовется, короче — войною.

Встретимся мы в приднепровских пределах,
Встретимся мы и со счастьем снова.
Вспомним друзей, на войне поссидельх,
В память погибших найдем наше слово.

Что ж, и другие, наверно, помянут
Нас в тишине, если это придется,
В прошлую даль дружелюбно заглянут,
Может, и слово о павших найдется.

Пусть же истрепаны наши шинели,
Глина и пыль сапоги нам покрыли,
Горем богатые, в грустном весельи,
Песню надежды подыдем на крылья.

О Т С Т У П Л Е Н И Е

Солдатское сердце застыло в пути,
Огонь из него выскачет страданье,
И зреет суровое, злое молчанье,
Пощады и жалости в нем не найти.

Кто видел разграбленным город родной,
Побеги, погибшие в раннем расцвете,
Лишился последней надежды на свете
И ранней покрылся в боях сединой;

Кто давнюю цель, как святыню, сберег,
Кто брел по декабрьским пожарищам выюжным
С тяжелым отчаяньем в сердце недужном
И пылью покрылся июльских дорог;

Кто воду днепровскую пил из горсти,
Кто смог по донским раскаленным долинам
Щепотку земли достояньем единым
В сухую приволжскую степь принести, —

Надолго запомнит он все, что пришлось
Ему перечувствовать в дни поражения,
Вкус горького хлеба, и горькое жжение
Внезапных и не облегчающих слез.

В степи мы встречали закат и восход,
Всю ночь самолеты трубили над нами,
И полнился давними, тихими снами
Горящий огнями седой небосвод.

Мы падали в поле и спали в пыли,
Рассветные травы над нами клонились,
Рыдания чайки звенели и бились
Над теми, кто больше не встанет с земли.

Шли грудью на танки фашистские мы
Во имя отчизны, — не в поисках славы.
Когда приходилось уйти с переправы,
Один оставался — один против тьмы.

Под брюхами танков, на глине сырой,
В разгаре сраженья, в окопе лежали,
Молчали и злобой одною дышали.
Дня по три не ели, не пили порой.

Когда же зашли автоматчики в тыл,
Гранатами мы пробивали дорогу,
В степи ковыли навевали тревогу,
И мраком ночной небосклон нас укрыл.

Сквозь дымные степи брели мы с тоской,
Скрывались в болотах и в чащах дремучих,
В боях потеряли товарищей лучших:
В трясине нашли они вечный покой.

Бессмертный ковыль трепетал и грустил,
На узких тропах, где бродили ночами,
Где радость свою, неразлучную с нами,
Оставили мы среди братских могил.

Зарыли и горе свое заодно,
А что зародилось в те горькие ночи,
Узнают враги, заглянувши нам в очи, —
Пощады фашистам не будет дано.

Но в каменном сердце есть вера одна:
Исполнится мера терпения мира,
Блеснет над землею возмездья секира
И недруг за все разочтется сполна.

СНЕГ ЛЕТИТ

Снег летит и летит... Мы уже никогда не забудем,
Как на мертвые лица ложился нетающий снег.
Кто останется жив, пусть расскажет по совести людям:
Отступленья в ту зиму не знал ни один человек.

Снег летит и летит... По суровому мненью потомства,
Мы от Сана до Дона прошли, и бесславлен отход.
Пусть же вспомнят, что нас одолело вра
вероломство —

С целым миром мы бились один-на-один в этот год.

Снег летит и летит... Мы недешево жизнь отдавали
В той долине, где юность в осенней калине цвела.
В эти села глухие, в нагие кварталы развалин
Враг вошел, попирая холодные наши тела.

Снег летит и летит... Все равно, в сентябре
иль в апреле,

Не видали мы дня, не вставало нам солнце во мгле.
Восемнадцатилетние, в час поседев, догорели.
Их горячая кровь — под ногами у вас, на земле.

Снег летит и летит... Тяжелей умирать довелось им,
Чем отцам их, прожившим свой век от войны до
войны.

Черной каплей свинца иль гранатой, ударившей
оземь,

Думы юные скошены, юные прерваны сны.

Снег летит и летит... Вместе с ними погибла навеки
Тайна первой любви, и ушли в эту мглу навсегда
Непройденные ими дороги, и горы, и реки,
В нерасцветших садах неостроенные города.

Снег летит и летит... А в степи, на холмах, на
пригорках

Ни крестов, ни имен. Только хлопья седой пелены,
Словно горькая слава, совьются в стенаниях горьких.
Лучших лавров не надо безвестным героям войны.

Снег летит и летит... Мы идем по взметенному следу.
Что ни шаг, приближается час,—и рожок возвестит,—
И другие пойдут в наступленье, и вырвут победу,
И пробьются по нашим могилам, сквозь снег, что
летит.

* * *

Ночь... По Старому Осколу
Я со станции иду...
На деревьях ветви голы
Возле станции в саду.

В небе луч не погасает,
Даль вокруг темным-темна,
А весна и знать не знает,
Что в полях не спит война;

Что над темной целиною,
Сжав оружие, вперед,
Вслед за счастьем, за весною
Вновь бойцы идут в поход;

Что один свалился в поле
Близ родимого села
И рука помимо воли
Нежно землю обняла.

Спит он, строгий, безмятежный,
Ни тоски, ни горьких слез,
А меж пальцами подснежник
Первый, маленький пророс.

* * *

Светает. Пушки вновь гремят
Злой музыкой над головою.
Снаряды выкосили сад,

Где подрастали мы с тобою.
Не надо! Не гляди назад, —
Звучит приказом голос боя.

Кто к берегам идет родным,
Того остановить не сможет
Ни сталь, ни взрывов черный дым,
Ни танков гром, ни бездорожье.
Так с гневом праведным твоим
Моей любви тревога схожа.

Вон самолеты в вышине,
И голуби в дыму летают,
И вербы в грустной тишине
Над прудом головы склоняют —
О материнской седине
Сынам-бойцам напоминают.

Как из глубин земли родной,
Что кормит нас и нас лелеет,
Как жаркий уголь под золой
Вновь вспыхивает и не тлеет,
Из муки прожитой былой
Сама собою сила зреет.

Лежим. Огонь, и дым, и стон.
Мир жизни радостной — за нами,
И танков грохот разъярен
Над голубыми берегами,
Где детство, словно звездный сон,
Всплывает вновь перед глазами.

Мы не оглянемся назад,
На пламень грозового боя,
Мы возвратимся в тихий сад,
Где выростали мы с тобою, —
Пусть пушки музыкой гремят,
Гремят грозой над гологою.

* * *

И холод и голод я близко знавал,
Не спал я в седле по ночам,
Сквозь темень к селеньям любимым скакал,
К родимым своим рубежам.

Навстречу мне плыли нагие поля,
Рвались, бушевали ветра,
Изрытая танками наша земля
Лежала безмолвна, мертва.

Где села сияли в весслом тепле,
Где зрели под солнцем сады, —
Лишь трупы лежали, да в черной золе
Зияли пожарниц следы.

И кровью чернела речная вода,
Багрянцем просторы цвели,
Как будто железным копытом орда
Изравила тело земли.

То, что я видел, снести я не смог:
Я видел в ярме мой народ.
И пепел пожарниц и камни дорог
Кричали: «На запад! Вперед!»

Слеза на глазах леденела, горька,
И гневом зажегся мой взгляд,
Тогда я поклялся на стали клинка:
«На запад! Ни шагу назад!»

Пусть встречу беду или с коня упаду
В репейник, в болотную муть, —
Свинцом проложу я дорогу. Пройду.
На запад, на запад мой путь!

МЕРТВЫЙ НЕМЕЦ

Немец в серо-голубой шинели —
Тот, кто дом и мир твой растоптал, —
Поперек пути, среди метели,
Пулею подкошенный, упал.

Он лежит в холодной красной луже,
Леденя с голсы до ног.
В этот зимний день, седой от стужи,
Кроме этой, нет тебе дорог.

Отдыхать тебе еще не время.
Сумрак ледяной бугры укрывает.
Может, этот черный, волчьей семя,
Мать или жену твою убил.

Он лежит, смотря стеклянным взглядом,
Победитель десяти держав.
Ты его прикончил, — так и надо,
Чтобы он поверженный лежал.

Ночь придет. Степной буран косматый
Вылетит в отчаянную тьму.
Будет волк трубить над волчьим братом,
Разорвав клыками грудь ему.

Злое воронье в пустых просторах
Будет хлопать крыльями во мгле.
Он тебе и после смерти — враг,
Мертвый немец на твоей земле.

Злодеяния его не смыты.
В гнев сокрушающем своем
Через труп его перешагни ты
На пути в свой опаленный дом.

Д Е Н Ъ Р О Ж Д Е Н И Я

Лишь вечером мы добрались до леса,
Где раньше штаб над озером стоял,
Но никого уже там не застали —
Дивизия продвинулась вперед,
И только два иль три телефониста
Еще сидели в блиндаже штабном,
Покрикивая в трубку: «Сокол! Сокол!
Да отвечайте, Сокол!» Лес шумел,
Чернел и надвигался темной чащей,
Как будто сразу погружаясь в ночь
Без переходов; так в полубреду
Больной впадает вдруг в тревожный сон.
И на ночь мы вошли в блиндаж порожний.
В нем пещь железная еще горела,

И свет ее скользил по ржавым листьям,
По прошлогодним листьям великанов
Дубов, — теперь их снова наряжала
В наряд зеленый поздняя весна.
За лесом тяжело грохотали пушки,
Земля тряслась, и сверху, с перекрытий,
Кора сухая падала на лица
При каждом выстреле... А лес шумел,
И тьма стояла прямо перед входом,
Как будто автоматчик-часовой
У блиндажа... Я в этот день увидел
Село, что мы очистили от немцев.
Стояли на холме руины школы,
И хаты, все без крыши, вокруг толпились,
Как сакли обгорелые, и грудой
Разбитые валялись кирпичи
Да кучи черные золы дымились.
Несли машины, поднимая пыль.
Обозы дальше двигались на запад,
И выходили женщины с детьми
Из погребов, где прожили всю зиму,
Питаясь мерзлой свеклою, картошкой,
Не смея заглянуть в родную хату,
Что немцы для жилья себе забрали.
И женщины стояли у колодца.
Я попросил воды — и вмиг нагнулся
Журавль скрипучий, воду зачерпнула
И поднялась бадья, и, наклонясь,
Хотел напиться я и вдруг увидел
Петлю на коромысле журавля.
Она качалась прямо надо мною.
И тихо молвила одна из женщин:

— Тут вспали людзей...

И я узнал,

Что эта женщина была женой
Уже немолодого партизана.
Двух ребятишек на руках держа,
Она смотрела издали, как немец
На шею мужа вдруг петлю накинул
И как другие грузно навалились
На журавель. Три дня висел он тут,
Три дня она у ног его стояла,
Три дня она молилась, проклинала,
Лишь на четвертый день ей тело мужа
Для погребенья палачи отдали.

Из блиндажа я вышел. Меж деревьев
Сияли звезды чисто и спокойно.
Я знал уже, что не смогу заснуть —
Все, чем я жил, что чувствовал, что видел,
Вокруг меня вставало наяву
И мне уснуть, забыться не давало.
А в трубку все кричал телефонист:
«Да отвечайте, Сокол!» — Только зуммер
В ответ жужжал...

И тут я вспомнил

Бойца, которого сжигали немцы,
Облив бензином... Он лежал у хаты,
Обугленными пальцами закрыв
Свое лицо. Огонь, как головню,
Обуглил голову и тело, выжег
Глаза и пощадил одни ботинки
Тяжелые да черные обмотки.
Сын неизвестный родины моей,

Пускай остудит сон могилы братской
Твою нечеловеческую боль.
Вслед за тобой идут бойцы на запад
И месть священную несут в сердцах.

А рядом женщина все голосила.
Я подошел. Там посреди двора
Спокойно обмывали чье-то тело,
И я узнал, что это муж се,
Расстрелянный немецким офицером
За то, что, усмехаясь, он стоял
И слушал, как гремели наши пушки,
Когда мы наступали на село.

А на дворе соседнем свеживали
Корову — миною ее убило.
Одна из женщин тоже голосила,
Что свет померк, что близится беда,
Что по миру теперь пойти придется
С ребятами...

И грозно лес шумел,
Как перед бурей. Близился рассвет,
И звонкой трелью первый соловей
Ударил вдруг в серебряное небо,
И вслед за ним отозвались другие
Над озером, над лугом и в лесу.
На золотом и солнечном востоке
Темнели очертания деревьев,
Как будто вкованные в щит небес
Серебряной черненою резьбою.
Гремели пушки, пели соловьи,
Такой чудесной песней заливаясь,

Что даже гул сражения смолкал,
И к песне жизни мертвое желало
Прислушивалось...

Жизнь! Жизнь!

Великое волнующее слово!
И сколько горькой радости и муки
Жесточкой в нем...

Спокойствие и грусть

Спать повеяли в моей душе,
Как будто бы всегда я был солдатом,
К опасностям привыкший...

Тут я вспомнил,

Что день рожденья моего сегодня,
Что поздняя весна моя прошла.
Я этот день привык встречать с друзьями.
Кто знает, где и как я с ними встречусь,
И часто вспоминают ли меня
Они в тревогах боевых, как я
В лесу сейчас их вспомнил на рассвете, —
В тот миг пророческий, когда я понял,
Наученный бессонной тяжелой ночью,
Что в жизни у людей есть час заветный,
Когда они рождаются вторично.
Так родился я снова в эту ночь —
Для мщенья и борьбы...

ЖУРАВЛИ

Всю эту ночь не спать мне напролет!
Ревет, гудит в весенних реках лед.
Весенний ветер мчится надо мною.

Все в отблесках и в пламени вокруг.
Шумит вода и заливаает луг.
Река набрякла бурей и весною.
В пролетах туч над влагою долин
Трубит незримый журавлиный клин.
И журавлиному подобно клину,
Подобно ветру ледяной весны, —
На родину мои несутся сны,
Несется песнь моя на Украину!

В рассветный час и в темноте ночей
Несется с журавлями — все звончей
Над селами, над голыми садами,
Над спутанными жилами дорог,
Над балками, где рыхлый снег залег,
Над взорванными чesными мостами,
Над рельсами проносится она.
И крыл свернуть тяжелых не вольна.
И сна не знает и несет кручину,
И дум моих ночных суровый дар,
И зоркость глаз, и сердца тайный жар —

Все, все несет туда, на Украину!
В ту осень попрощались мы с тобой,
С твоею степью, с далью голубой,
Осталась ты далеко, за холмами,
И шли мы на восток, а журавли
Неслись на юг, курлыча издали.
Как будто шла надежда рядом с нами.
И верил я, что в первый день весны
Вернемся мы с далекой стороны
И обретем не черную руину,

А всю красу нетленную твою,
Что в громовых раскатах и в бою
Вернемся мы домой, на Украину!

Ударим крыльями! Пришел наш час.
Там гвезда ждут сбугленные нас,
Расхищенные ветром пеелища,
Лишь там найдем отраду и покой...
Уже кипит на Украине бой.
За города родные и жилища,
За каждый шаг по вспаханной земле,
За землю ту кровавую во мгле,
За кровь друзей, пролитую безвинно.
Винтовки сжав, идут бойцы твои.
Восток и Север ринулись в бои,
Навстречу журавлям — на Украину!

Счет нас вьюга, пепелит гроза,
Слепит нам воспаленные глаза
Огонь и гарь пожарниц не погасших.
И, может статься, в завтрашнем бою
За братьев сложит голову свою
И рухнет не один из братьев наших!
Уже весна дохнула из пурги,
Уже не в силах лютые враги
Пресечь поток, что хлынул на платину..
Трубит летящий в тучах самолет,
Железный клин врубается вперед.
На Украину, друг, на Украину!

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует
19	13—14 сверху	—	Обе строки исключить
34	2 снизу	лишилась	лишились

Л. Первомайский „День рождения“